

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/96/20

Скифы и гунны в русской истории: евразийский взгляд

Владимир Юрьевич Быстрыков

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия, bystryukov@pgsga.ru*

Аннотация. Рассматривается формирование исторической концепции евразийства, в частности проблема преемственности «евразийских государств». На примере анализа работ Г.В. Вернадского и Н.П. Толля, а также других представителей движения, посвященных истории домонгольской Евразии, показана идеологическая ангажированность теоретических постулатов евразийской концепции, в частности сквозное влияние двух основных векторов евразийства – антизападничества и доказательства особых путей развития России-Евразии.

Ключевые слова: евразийское движение, Россия-Евразия, «месторазвитие», евразийство, кочевниковедение, Н.П. Толль, П.Н. Савицкий

Для цитирования: Быстрыков В.Ю. Скифы и гунны в русской истории: евразийский взгляд // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 163–171. doi: 10.17223/19988613/96/20

Original article

Scythians and Huns in Russian History: a Eurasian View

Vladimir Yu. Bystryukov

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation, bystryukov@pgsga.ru*

Abstract. Eurasianism, which arose in the early 1920s in the Russian emigration, became a unique phenomenon in the history of Russian science as the Eurasians created a detailed and well-reasoned concept that represented Russia as a special civilization. Two key points underlay the Eurasian ideology - anti-Westernism and the establishment of special ways or Russia-Eurasian development. It was the historical concept that became the most important component of Eurasianism, since it provided the arguments that support these points. The Eurasianists, and, in particular, P.N. Savitsky, studied the history of Russia and the Russian people through the prism of a geopolitical approach - in direct connection with the «local development» in which people lived and developed. The key myth of Eurasianism was the Mongol stage and the positive influence of the Mongol Empire on the formation of the Russian state. The assertion of special ways of Russia-Eurasian development and the geopolitical approach involved the study of other states that existed in Eurasia in the pre-Mongolian period, as well as the identification of common forms for all types of "Eurasian statehood" to justify their continuity. Being in the same «local development» made such continuity an obligatory fact of historical evolution. But at the initial stages of the development of the movement, there were simply no authors among the Eurasians who could research these issues. For instance, N.S. Trubetskoy argued that the empire of Genghis Khan was the first attempt to create a pan-Eurasian statehood.

The purpose of the article is to analyze the discourse of Eurasian authors regarding the states of pre-Mongolian Eurasia, taking into account the influence of the ideological attitudes of the Eurasian concept. The sources are the works published in the Eurasian editions connected with this topic. The greatest contribution was made by the works of G.V. Vernadsky and N.P. Toll. «The Inscription of Russian History» by G. V. Vernadsky outlines a vision of the evolution of «Eurasian statehood», tries to identify its general principles and creates a tradition of "Eurasian statehood" from the Scythian state to the USSR. «Scythians and Huns» by N.P. Toll was the most significant attempt to close this gap in Eurasian literature. However, the creation of "Eurasian statehood" turned out to be rather complicated and contradictory. The theoretical construction presented in the work of G.V. Vernadsky was too abstract, and in some points the data presented in the work of N. P. Toll did not correspond to it. The ideological component of the Eurasian discourse turned

out to be stronger than the scientific one. Therefore, the history of pre-Mongolian Eurasia remained underdeveloped in Eurasianism, especially in comparison with the problems of the Mongolian stage.

Keywords: Eurasian movement, Russia-Eurasia, «local development», Eurasianism, Nomadic studies, N.P. Toll, P.N. Savitsky

For citation: Bystryukov, V.Yu. (2025) Scythians and Huns in Russian History: a Eurasian View. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 163–171. doi: 10.17223/19988613/96/20

Евразийская концепция базировалась на двух постулатах – антизападничестве и особом пути развития России-Евразии. Они определяли переоценку различных этапов истории страны, придавали особое значение связям с неевропейскими народами и культурами. Геополитический подход, т.е. видение исторической эволюции в связи с месторазвитием, которое занимал русский народ, предполагал актуализацию традиции, в которой русская государственность являлась продолжательницей держав, занимавших евразийские пространства до нее. Создание нового исторического мифа, основывавшегося на антизападничестве и видении особых путей развития России-Евразии, почти автоматически ставило во главу угла монгольский этап, поскольку именно тогда русские княжества были прямо включены в систему евразийского государства. Тезис о положительном влиянии монголов на становление и развитие России был обозначен во всех манифестах движения и рассматривался в трудах многих его представителей. Наиболее яркое воплощение он получил в работе Г.В. Вернадского «Начертание русской истории», в которой автор писал, что русский народ получил два богатых исторических наследства: византийское и монгольское, облегчившее русскому народу «создание плоти евразийского государства» [1. С. 17].

Однако Монгольская империя была не первой в ряду держав, существовавших на просторах Евразии и на определенное время объединявших большие или меньшие ее части. Традиция кочевых государств и народов периодически упоминается в ранних евразийских текстах, и частота этого напрямую связана с развитием самого евразийства, поскольку, например, в первой половине 1920-х гг. специалистов, которые могли бы изложить связный текст, посвященный домонгольской Евразии, в движении просто не было. Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский и П.Н. Савицкий могли рассуждать о значении революции 1917 г., роли Православия или «туранском психологическом типе» и даже о «наследии Чингисхана», но создание более или менее целостного нарратива по ранней истории Евразии могло бы стать или компиляцией, или профанацией, на что лидеры евразийства пойти не могли. Да и сам концепт «евразийское государство» требовал создания определенных разъяснительных установок для фиксации эволюционирующих структур и определения их положительного влияния на Россию. То есть было необходимо определить, какие именно кочевые государства создавали традицию и какие именно черты их организации переходили от одного государства к другому. Без этого тезис о положительном влиянии монголов был несколько однобоким, и эволюция «евразийской государственности» как бы замыкалась в системе отношений «Русь–монголы». Однако геогра-

фические особенности Евразии, ее предопределенность к единству предполагала неизбежность этого процесса, который мог прерываться только из-за политического ослабления потенциальных центров. Проблема выстраивания традиции «евразийской государственности», проистекавшая из тезиса о положительном влиянии монголов на формирование русского государства, должна была занимать достаточно важное место в евразийской системе взглядов в силу ключевого значения самого тезиса. В рамках данной статьи мы попробуем определить, как представители евразийства пытались решить эту проблему в своих текстах, посвященных истории домонгольской Евразии, и насколько эти попытки соответствовали положениям собственно евразийской концепции.

Отметим, что в серьезных исследованиях, посвященных исторической концепции евразийцев, эта тема упоминается вскользь и во многом сводится к пересказу мыслей Г.В. Вернадского о периодической ритмичности государствообразующего процесса в Евразии. А.В. Антощенко считает, что у Г.В. Вернадского история русского народа отождествлялась с историей государства и представляла собой ряд попыток создать единую государственность. Ее отличительными чертами выступали форма военной империи, целостное мирозерцание «правлящей верхушки» и «народной массы», гибкость социально-государственного строя и осознание народом своего месторазвития [2. С. 207]. М.Г. Вандалковская процитировала упомянутые строки Г.В. Вернадского, но рассмотрение собственно исторической концепции евразийства начала с непосредственно с Древнерусского государства, указав на форму военной империи, целостное мирозерцание и гибкую социально-государственную организацию как отличительные качества «евразийской государственности» [3. С. 85]. М. Ларюэль отмечала, что евразийцы относили начало евразийской истории к скифам и сарматам, считая эти народы евразийскими, поскольку они относились к срединному миру, что определяло самобытность Евразии: «Евразийцы, в частности Г.В. Вернадский и Н.П. Толль, делали в своей историографии акцент на великие переселения народов от сарматов до готов и гуннов, отмечая при этом, что в то время Евразия продвинулась к Западу» [4. С. 196]. В рамках историографического обзора можно указать существенное количество авторов, которые упоминали взгляды представителей движения на историю домонгольской Евразии, но все они ограничивались цитатами из Г.В. Вернадского и иногда Н.П. Толля и практически никак не пытались определить место и роль «скифов и гуннов» в евразийской концепции. Такое несущественное внимание в историографии, контрастирующее с изучением взглядов евразийцев на монгольскую эпоху, объясня-

ется тем, что в самом евразийстве оказалось немного специалистов, которые смогли бы профессионально охарактеризовать домонгольскую Евразию исходя из постулатов движения.

В истории евразийской литературы первые упоминания о кочевом домонгольском мире появились в статье П.М. Бицилли, опубликованной во втором евразийском сборнике «На путях». Самого П.М. Бицилли сложно отнести собственно к евразийцам, тем не менее на заре развития движения он опубликовал две статьи в их изданиях и даже оказал определенное влияние на идейную эволюцию евразийства. Концепции противостояния Востока и Запада он противопоставлял концепцию «взаимодействия центра и окраин как не менее постоянного исторического факта» [5. С. 321]. Он писал об особом мире, лежащем между «окраинно-приморскими мирами» Старого Света, – аморфном мире «кочующих степняков, турков или монголов», где давление в одной точке степи сказывалось во всех ее точках. Этот мир не обладал самостоятельным культурным значением, имея характер восприимчивой и передаточной стихии. Творческая роль принадлежала окраинно-приморским мирам, «пространство от Урала до Кунь-Луны, от Ледовитого океана до Гималаев» было поприщем их скрещения, фактором их распространения и внешним условием «для выработки культурного синкретизма» [5. С. 332]. П.М. Бицилли упоминал тюркского кагана Бу-Мина и его попытку создать совместно с Византией и Китаем антииранскую коалицию в VI в., считая, что таким образом могло быть осуществлено единство Старого Света, устранена необходимость постоянной борьбы с персидским миром и предполагая, что «средиземноморские центры древности, может быть, были бы спасены» [5. С. 321].

В том же сборнике П.Н. Савицкий писал о противополжности «окраинно-приморских областей Старого Света и центрального мира, «заполненного «эластичной массой» кочующих степняков, «турок» или «монголов», обладающих «передаточной в своем значении... степной культурой» [6. С. 341–342]. После этого пассажа в духе П.М. Бицилли в адрес домонгольской Евразии П.Н. Савицкий огорошивал своего читателя знаменитой фразой: «...без татарщины не было бы России», – и все его внимание сосредоточивалось на проблеме влияния монголов. В своей знаменитой работе, имевшей в большей степени пропагандистское значение, нежели научное, Н.С. Трубецкой писал, что государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью, народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, и это «впервые осуществлено туранцами в лице Чингисхана» [7. С. 283].

В следующий раз эта тема появилась в редакционном примечании к статье «Иран, Туран и Россия», опубликованной в 5-м Евразийском временнике [8]. Автором самой статьи был Василий Петрович Никитин, русский дипломат и исследователь Ирана и Ближнего Востока, примыкавший к евразийскому движению во второй половине 1920-х гг. Автор примечания (у М. Байсвенгера указано, что это был П.Н. Савицкий в соавторстве с Н.С. Трубецким [9. С. 60])

делил иранцев на две группы: южную – мидо-персидскую, и северную – скифо-сарматскую. Последняя стала «народом-всадником», «властителями степи», а следовательно, «евразийцами в географическом смысле слова». В качестве таковых они были предшественниками туранцев, в частности тюрков, и оказали сильнейшее влияние на племена Евразии [10. С. 75]. Автор видел аналогии между походами персидских царей на скифов, немецким «натиском на восток» и походами Наполеона и Карла XII и указывал на сходство евразийской оборонительной стратегии от скифо-сарматов до Кутузова [10. С. 76]. В примечании также указывалось на культурные контакты предков славян с предками северных иранцев в конце эпохи индоевропейского единства.

В самой статье В.П. Никитин писал об истории Ирана – династиях Аршакидов, Сасанидов, эпохе арабских завоеваний и Халифата. Основная канва повествования – это история противостояния Ирана и туранских народов, в основном кочевников, которые, если им удавалось завоевать персидские территории, достаточно быстро иранизировались и часто вели борьбу уже против своих степных сородичей. «Вновь повторяется с все той же закономерностью уже не раз нами отмеченное на протяжении долгих веков явление: обиранившиеся представители Турана стоят на страже Ирана, защищая его от своих вчерашних родственников, которые еще не подпали под культурное иранское влияние» [8. С. 94]. В статье упоминались гунны, в частности гунны-эфталиты. Периодически рассматривались взаимоотношения с евразийскими кочевниками, теми же гуннами, но основной упор был сделан именно на истории Ирана. Интересно, что практически впервые в евразийской литературе (впрочем, весьма кратко) характеризовалась империя тюрков как государство от Японского моря до Каспия и их отношения с государством Сасанидов. Но в целом статья была посвящена именно Ирану, туранские народы, населявшие евразийские пространства, рассматривались как внешняя сила. Автор делал интересный вывод: «Вся наша устойчивость и все наше преимущество в упоре на Азию, в факте нахождения на путях евразийских. Упор на Азию, мы гораздо сильнее им, чем окном в Европу, которое так легко заколотить нашим противникам. Упор на Азию, в нем чувствуется сознание мощи, ощущается нечто срединное, крепкое, исконное. Сейчас больше, чем когда-либо, видно, что если Запад с нами должен, не может не считаться, то это именно благодаря нашему выгодному положению в Азии. Мы в Азии у себя...» [8. С. 87].

В 1927 г. вышло первое большое историческое сочинение «евразийского» характера – книга Г.В. Вернадского «Начертание русской истории». Он писал, что до образования русского государства «главными деятелями» Евразии были народы монголо-турецкого и отчасти иранского корня. Г.В. Вернадский обозначал особую традицию эволюции государственности, считая, что именно в рамках Евразии «могли образовываться такие крупные социальные единицы, как скифская, гуннская или монгольская империя, а позже империя Российская», и история Евразии виделась ему как ряд

попыток создания «единого всеевразийского государства», к чему была направлена деятельность «скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов» (в евразийских текстах «тюрки» назывались «турками», «государство тюрков» – «государством турков», мы также будем придерживаться такой терминологии). Около V в. до н.э. начался скифский период, в ходе которого скифы объединили Западную Евразию, в том числе степи северного Причерноморья и прилегающие лесные пространства. Скифы были разбиты сарматами, часть их государства собрали готы, которых сменило государственное объединение общеевразийского масштаба – гуннская империя IV–V вв. После ее распада образовались аварская и хазарская державы, государства западных и восточных турок, болгарские царства на Дунае и на Каме, империя Святослава, Киевское княжество, степь захватили печенеги и половцы. Скифское, гуннское государство и империя Святослава сделали попытку объединить лесные и степные пространства. В общей схеме периодической ритмичности государствообразующего процесса, в которой система государств сменялась единой государственно-стью, к последней принадлежали Скифская держава, Гуннская, Монгольская и Российская империи и СССР, а к системе государств – авары, хазары, камские болгары, Русь, печенеги, половцы, а также государства, образовавшиеся в процессе и после распада Монгольской империи [1. С. 16]. Интересно, что здесь выпали дунайские болгары и турки, хотя в схеме начальных фаз развития евразийской государственности они были.

Г.В. Вернадский характеризовал составляющие традиции евразийских государств, считая, что они имеют общие черты внутреннего политического строя: крепкую государственную организацию и сильную и жесткую правительственную власть. «Необходимость освоения больших степных и лесостепных пространств требовала создания исключительно крепкой государственности» [1. С. 17]. Устойчивой евразийской формой государства и власти, присущей скифской, гуннской, монгольской державам, Московскому царству и Российской империи, была военная империя. Но существовали еще важные факторы – наличие единого и целостного мирозерцания и гибкая социально-государственная организация, это было характерно для Монгольской империи и русского государства [1. С. 18].

Первый этап русской истории, согласно Г.В. Вернадскому, условно длился до 972 г. и состоял в попытках объединения леса и степи. Развитие русского государства началось с крайнего западного угла Евразии, поэтому для России имеет значение история кочевых народов в северном Причерноморье. «В этом смысле историческая подпочва русского государства была создана скифами» [1. С. 25], которые появились здесь в VII в. до н.э. и совместно с турками держали соединительную связь между Китаем и греческим Черноморьем. С IV до II в. до н.э. скифов вытеснили сарматы, которых во II–III вв. н.э. сменили готы, перенявшие материальную культуру кочевников и ставшие народом конных воинов. В конце IV в. их сменила гуннская держава, достигшая своего расцвета при Атилле, подчинившего себе и большую часть Европы. В VI в.

здесь появились авары, вытесненные из Средней Азии турками. После распада государства западных турок, также бывших посредниками между Китаем и Черноморьем, их место заняли хазары. В дальнейшем определенный аналог гуннской державы был воссоздан при князе Святославе [1. С. 41]. После этого, достаточно краткого, изложения ранней истории Евразии, Г.В. Вернадский переходит уже собственно к истории восточных славян, русских княжеств, Московского царства и Российской империи.

В приложении к книге Г.В. Вернадского П.Н. Савицкий сразу начинал свой текст с монгольской эпохи, упомянув гуннов только в примечаниях, считая, что итальянскому походу А.В. Суворова 1799 г. и заграничным походам русской армии в 1813–1815 гг. соответствуют походы Атиллы «в смысле движения организованных воинских сил из глубин Евразии вглубь Европы» [11. С. 236]. Отметим также, что в рецензии на 2-томную «Историю России», вышедшую под редакцией П.Н. Милюкова, П.Н. Савицкий советовал авторам книги следовать примеру Г.В. Вернадского (имея в виду книгу «Начертание русской истории») в установлении непосредственной связи между дорусским прошлым позднейших русских территорий и собственной русской историей и сетовал, что авторы не упоминали о «гуннской проблеме» [12. С. 393].

Таким образом, тезис о принадлежности России к традиции евразийской государственности оказывался неполным. О том, что Россия – наследница империи Чингисхана, писали многие евразийцы. Но о домонгольских кочевых державах в евразийских текстах было написано очень мало, хотя это не совсем соответствовало заявленным идеологическим установкам. Определенным решением этого вопроса стала книга человека во многом уникальной судьбы, оставившего заметный след в истории и русской эмиграции и русской науки в целом, – Николая Петровича Толля (1894–1985). Он родился в Лодзи в семье военного, учился в Нижегородской губернской 1-й мужской классической гимназии, в 1916 г. закончил Константиновское артиллерийское училище в Петрограде, после чего служил в Кавказской Армии. В 1918 г. попал в Добровольческую Армию, был участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода, воевал в бронепоездных частях Вооруженных сил Юга России и Русской армии, дослужившись до чина подполковника артиллерийского дивизиона, в составе которого с ноября 1920 по сентябрь 1921 г. находился в Галлиполи, а затем выехал в Афины, где некоторое время работал на газовом заводе [13. С. 216] (отметим, что в этой статье приведены и другие весьма интересные данные биографии Н.П. Толля).

Н.П. Толль прибыл в Афины вместе со своим близким другом Б.Ф. Ромбергом – художником и участником Белого движения, познакомившим его с Г.В. Вернадским [14. С. 128]. В ноябре 1922 г. Н.П. Толль переехал в Прагу, где окончил философский факультет Карлова университета и впоследствии стал одним из организаторов и директором Семинария (позднее – Института) им. Н.П. Кондакова, образованного в 1925 г. [14. С. 149]. В 1927 г. он принял участие в Междуна-

родном византологическом конгрессе в Белграде, а в июне того же года защитил в Праге диплом под руководством профессора Янко и продолжил активную научную деятельность в рамках Кондаковского семинария [15. С. 208]. Его хвалил сам Н.П. Кондаков, отмечая его уровень понимания археологии как науки. «Тонко определенное академиком “чувство материала” сыграло главную роль в том, что на многие годы “Ник” стал ближайшим помощником академика М.И. Ростовцева по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия)» [13. С. 212].

Ключевыми событиями его жизни стали знакомство и дружба с Г.В. Вернадским. Еще в 1924 г. Н.П. Толль совместно с ним и Н.М. Беляевым работали над переводом книги Константина Багрянородного «О чинах византийского двора» [14. С. 160]. В начале 1926 г. Н.П. Толль женился на сестре Георгия Владимировича Нине Владимировне Вернадской (1898–1986), младшей дочери академика В.И. Вернадского. Свадьбе предшествовала почти детективная история, поскольку в августе 1917 г. перед уходом на фронт Н.П. Толль венчался в Самарканде с Ольгой Петровной Сыромятниковой, в то время слушательницей московских Высших женских курсов. В эмиграции было очень непросто получить бракоразводное свидетельство, однако благодаря помощи Епархиального управления русскими православными заграничными церквями в Европе к концу ноября 1925 г. это удалось, и уже вскоре состоялось венчание «в присутствии старших Вернадских, которые почти сразу после этого события вернулись в СССР» [13. С. 219]. Этот брак продлился почти 60 лет, а 9 мая 1929 г. у четы родилась дочь Татьяна, ставшая единственной внучкой академика В.И. Вернадского» [13. С. 212]. В 1939 г. чета Толлей переехала в США, где и прожила всю жизнь. Интересно, что в 1971 г. Н.П. Толль писал Н.Е. Андрееву, бывшему после него директором Кондаковского института: «Из сов<етских> историков читал только Гумилева (сына) и преклоняюсь до земли» [15. С. 221].

Близкое знакомство с Вернадскими обусловило не только счастье в личной жизни, но и участие в деятельности евразийской организации. Н.П. Толль стал активным участником не только Кондаковского, но и Пражского евразийского семинара. Так, 30 декабря 1925 г. он выступил в нем с докладом о русской иконе по книге П. Муратова, подчеркнув ее огромную религиозную и культурную ценность [16. С. 66]. В письме П.П. Сувчинскому 9 августа 1927 г. П.Н. Савицкий предлагал обсудить покупку для евразийской организации собственной типографии под руководством Н.П. Толля [17. С. 484].

В деятельности движения принимал участие не только Н.П. Толль, но и его супруга. М. Байсвенгер называет Нину Владимировну Вернадскую-Толль представителем «эпизодических евразийцев» [18. С. 172]. Неудивительно, что Нина Владимировна, в частности, опубликовала одну статью в «Евразийской Хронике» [19]. Ее появление было связано с поворотом евразийства во второй половине 1920-х гг. от философских и метафизических текстов к более практичным и «научно-образным» статьям, что в первую очередь связано

с именем П.Н. Савицкого. Статья достаточно близко подошла к расистским концепциям, и эта тема не получила дальнейшего развития в евразийских текстах [18. С. 175]. Тем не менее супруги Толли выполняли отдельные поручения: например, летом 1927 г. во время поездки в Берлин раздавали евразийскую литературу в берлинские книжные киоски. Участие Н.В. Вернадской-Толль в евразийстве объясняется как семейными обстоятельствами и родственными связями, так, возможно, и «ее собственными идейными поисками» [18. С. 176]. Сам Н.П. Толль свои работы в основном публиковал в изданиях Кондаковского семинария, но одна из них была опубликована на страницах «Евразийской хроники». В ней он отмечал, что «легкомысленное и тупое» нежелание изучать Восток, свойственное русской интеллигенции, привело к переходу первенства в этом к европейским ученым. «Необходимо, чтобы изучение истории искусства и археологии Востока шло в России несколько более крупными шагами. Иначе нам придется просить объяснения истории развития русского искусства, так часто выходящего из истории искусства Востока, – у Европы» [20. С. 42].

Именно Н.П. Толль стал автором небольшой по объему книги, которая должна была изложить в «евразийском» ключе историю домонгольской Евразии и включить ее в общую канву истории России. П.Н. Савицкий отмечал, что в 1927 г. евразийцы в своей научной работе перешли от отдельных статей к публикации монографий и общих курсов, в том числе называя книгу Н.П. Толля [21. С. 375]. Она должна была восполнить пробел в познании истории скифов и гуннов в силу ее неизвестности широкому кругу русских читателей. Достоинством книги является использование греческих, римских и китайских источников, а также всего материала, собранного археологией. В центре книги стоит преимущественно история гуннов [22].

В принципе, вся «евразийская» часть книги содержится в небольшом вступлении, где автор фактически говорит о степном месторазвитии, на котором много раз «меняла свое лицо кочевая культура, но основные формы и уклад кочевой жизни сохранялись тысячелетиями». Также автор писал об этом в самом начале первой главы книги. Единство культуры степей определялось не только общим укладом жизни, но и «общим характером быта, общественного строя, художественных вкусов, политических форм и религиозных представлений» [23. С. 1]. В этом кочевые народы глубоко отличались от земледельческих и оседлых культур. Целостность кочевого мира также обуславливалась общей исторической судьбой, и связное рассмотрение истории кочевых народов является возможным только с учетом всех событий на пространстве от Манчжурии до Венгрии. Н.П. Толль считал, что история кочевых народов важна не только сама по себе, но и как «начало государства Российского», поскольку этнические и культурные связи с кочевым миром для России гораздо крепче, нежели полагали ранее. Кроме того, кочевые народы приносили с собой культурные влияния стран Азии – Китая, Индии и Персии. Ссылаясь на М.И. Ростовцева, Н.П. Толль указывал на важность этих культурных влияний, без которых история

нашей страны не будет понята и оценена [23. С. 2]. Во введении автор делал ремарку об отказе от археологического материала, ограничении изложения политическими сюжетами, избегании гипотез и обобщений и писал, что обзор «не представляет ничего нового и лишь является попыткой изложить известные историкам факты в общей их связности» [23. С. 2].

Географические границы степного месторазвития Н.П. Толль характеризовал, ссылаясь на работы П.Н. Савицкого. Он делил его на три части: восточные, Арало-Каспийские и причерноморские степи. История последних наполнена борьбой кочевников с западным миром и известна несколько лучше, чем прошлое остальных частей. Автор давал краткое описание археологических культур и указывал, что история кочевого мира известна начиная с появления скифов в Причерноморье в VIII в. до н.э. Опираясь на китайские, иранские и греческие источники, Н.П. Толль излагал данные по истории скифов, считая, что в VI–V вв. до н.э. они создали большую кочевую державу, в которой стало возможным безопасное путешествие грека Аристее «от Черного моря до Семиречья или Алтая и обратно», и установили оживленные торговые отношения с соседями [23. С. 8]. Отметим, что возможность путешествия по степным просторам и особенно безопасность торговых путей в евразийской литературе относились к положительным последствиям создания Монгольской империи в XIII в.

Анализ археологических данных скифских памятников и сопоставление их с данными китайских источников позволяли сделать вывод, что на всем пространстве кочевого мира существовала единая культура. Н.П. Толль описывал скифские и другие кочевые племена, делая предположение, что под одним из них, а именно «неврами», скрываются предки восточных славян. Кочевники вовлекали в товарооборот население лесных племен, проживавших большей частью к северу от них. Также они влияли на орнамент и типы их бронзовых изделий, увеличивая внутренне сходство лесных и кочевых культур. Н.П. Толль находил следы влияния ассирийской и иранской культур на кочевников и характеризовал отношения между скифами и греческими колониями в Причерноморье. Экономика кочевых племен полностью зависела от скотоводства, требующего сухого климата и больших пространств. Поэтому нажим одного племени на другое приводил в движение весь кочевой мир. Самостоятельные племена легко объединялись в орды-империи, в случае появления талантливого вождя становились грозной силой и также легко распадались. Характерной особенностью таких империй было «отсутствие племенного или этнического единства... общность кочевой жизни и культуры были сильнее племенных различий» [23. С. 17]. Н.П. Толль писал об общности организации власти у скифов, Хазарского каганата и Золотой Орды, а также о культе храбрости и военной доблести. Описывая войны с Персией, он говорил о тактике «заманивания» вглубь страны, считая, что она не раз спасала Россию от разгрома и позволила победить Наполеона [23. С. 22].

Главы книги со II по V посвящены в большей степени гуннским племенам. Автор кратко характеризовал

отношения Александра Македонского и эллинистических государств и кочевого мира и рассказывал о появлении гуннской державы на северных границах Китая. Он писал об отношениях гуннов с Ханьским Китаем и окрестными кочевыми племенами. В ходе различных политических перипетий одно из кочевых племен – юечи, в западных источниках известное как индо-скифы, во II в. до н.э. вторглось на территорию Персии и поделило ее вместе с парфянами, уничтожив политические результаты завоеваний Александра Македонского. «Под властью кочевников Персия вновь стала оплотом против попыток запада проникнуть в Азию» [23. С. 37]. Одновременно начали свое продвижение в причерноморские степи сарматские племена, существенно ухудшив положение греческих колоний в регионе.

В III и IV главах Н.П. Толль описывал сложную историю взаимоотношений Китая и гуннов, а также ситуацию на Ближнем Востоке и в причерноморских степях, связанных с движением кочевых племен и германских народов. Он отмечал, что Китай заимствовал определенные моменты тактики ведения боевых действий, вооружение и костюмы кочевников, серьезное на влияние на искусство Ханьского Китая оказала гуннская материальная культура. И наоборот, следы более развитой китайской культуры обнаруживались во всех отраслях жизни гуннов. В V главе описывались возникновение державы гуннов во главе с Атиллой и различные политические события III–V вв. н.э. на пространстве от Китая до Римской империи. В небольшом заключении автор анонсировал новую книгу, посвященную истории проникновения русских на громадный материк Евразии [23. С. 77].

В приложении к книге Н.П. Толля П.Н. Савицкий выдвигал следующие задачи новой науки – кочевниковедения: исследование кочевого мира в его единстве и целостности в связи с его месторазвитием, отношений с окрестными народами и цивилизациями, а также военной истории кочевников, в том числе ее цикличности и борьбы с Китаем, изучение истории укрепленных линий, опоясывавших степные пространства, материальной культуры кочевников, связи культурной среды степного мира с культурами северно-лесной зоны, этнографических особенностей кочевых народов, историософского самопротивопоставления степного мира окраинно-периферическим мирам. Он считал, что в изучении степи возможны две научно-плодотворные трактовки: «степилюбивая» и «окраиннолюбивая». Русская наука имеет призвание к исследованию степи, что должно раскрыться в новой науке кочевниковедения, которая может стать соразмерной таким дисциплинам, как синология, индианистика, ирановедение [24. С. 340].

Следует сказать об откликах в эмигрантской среде на работу Н.П. Толля. А.А. Кизветтер в своей рецензии писал, что автор ставил и успешно решал компилятивно-популяризационную задачу: познакомить читателя с известными фактами истории скифов и гуннов без гипотез и обобщений. Недостаток работы состоит в отказе от археологических источников, что привело к однообразной картине бессистемного передвижения различных племен, несмотря на заявления автора о же-

лании уяснить причины этих процессов [25]. Еще более критично А.А. Кизеветтер оценивал очерк П.Н. Савицкого, считая, что его неоспоримые мысли о развитии кочевого мира не являются новыми, а размышления о «степилубии» и о том, что изучение кочевого мира должно быть отправной точкой для решения «историко-софской проблемы России и Европы», называл «пустопорожней словесностью, не имеющей ничего нового с серьезным пониманием научных задач» [25].

Последним крупным произведением евразийцев, в котором так или иначе затрагивалась проблема домонгольских государств Евразии, стала книга Г.В. Вернадского «Опыт истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени», вышедшая в 1934 г. Стремление евразийских народов к созданию единого государства он объяснял «единством географического лика Евразии» и объединительными экономическими факторами. В то же время действовали и центробежные силы, поскольку экономические факторы часто оказывались недостаточно сильными. Это порождало ритмичность создания и жизни государственных образований в Евразии [26. С. 8]. В тексте книги Г.В. Вернадский указывал нижнюю хронологическую границу – вторая половина VI в., ссылаясь на то, что предыдущим эпохам жизни кочевников Евразии посвящена книга Н.П. Толля. Г.В. Вернадский писал, что в истории кочевого мира племена и роды легко объединялись под давлением природных условий, например засухи, или экономических стимулов и так же быстро распадались. Такой характер носила держава гуннов и турков, создание которой стало исходным моментом для дальнейшего политического развития Евразии [26. С. 17]. Некоторое время восточные и западные турецкие каганы контролировали караванный путь из Китая в Средиземноморье. Г.В. Вернадский кратко характеризовал политическую историю домонгольских государств Евразии: державы аваров, Хазарского каганата, давал оценку событиям в Средней Азии после арабского завоевания, а также отношениям Китая и кочевого мира.

Таким образом, проблема преемственности России и кочевых государств подавалась в евразийской литературе достаточно неравномерно. Ключевой точкой нового исторического мифа стал «монгольский этап» истории страны. Геополитический подход предполагал, что евразийское месторазвитие являлось не только полем деятельности различных народов, но и своего рода системой, обуславливавшей родство их политических, экономических и социально-психологических характеристик, поэтому история домонгольской Евразии также требовала своей актуализации в рамках евразийского дискурса. Отметим, что в первые годы развития движения евразийцы не могли решить эту проблему, поскольку в их составе отсутствовали профессиональные историки, и, например, Н.С. Трубецкой писал, что впервые Евразию объединили «туранцы во главе с Чингисханом». Это стало возможным после появления в рядах движения Г.В. Вернадского и Н.П. Толля.

Г.В. Вернадский создал схему государствообразующего процесса в Евразии, в которой Монгольская

империя оказывалась третьим образованием, пытавшимся объединить евразийское пространство. Помимо нее к этапам создания единой государственности в Евразии были отнесены Скифская держава и Гуннская империя. Г.В. Вернадский также обозначил три элемента, присущих «евразийской государственности» – крепкую государственную организацию, сильную и жесткую правительственную власть и форму военной империи; также он указывал на «единое и целостное мирозерцание», но относил его только к монгольскому и московскому обществу XIV–XVII вв. Существование этих элементов в Монгольской империи и Московском княжестве не является предметом данной статьи, по умолчанию согласимся с мнением евразийцев, что они там присутствовали. Но были ли они характерны для предыдущих форм «евразийской государственности»? В работе Г.В. Вернадского такое положение только декларировалось. В книге Н.П. Толля Скифская держава не предстает «империей с сильной и жесткой правительственной властью и крепкой государственностью». Ее нельзя даже назвать единой державой, скорее, конгломератом племен и этносов, контролировавших как степные, так и часть лесных пространств. Гуннская держава эпохи Атиллы обладала «жесткой правительственной властью», но распалась практически сразу после его смерти, чем ставила под сомнение «крепость государственной организации». Н.П. Толль отмечал, что скорость создания и быстрота распада были характерны для всех кочевых государств. Напомним, что сохранение империи и продолжение завоеваний после смерти Чингисхана было для евразийцев доказательством устойчивости этой формы «евразийского государства».

Интересно, что в состав «евразийской государственности» не включались Держава Хунну на Дальнем Востоке и Тюркская империя (а также Западный и Восточный Каганаты) в Центральной Азии, хотя Г.В. Вернадский упоминал их. По форме государственной организации и силе «правительственной власти», а также контролируемой территории Евразии они никак не уступали ни Скифской державе, ни Гуннской империи. Тюрки в схеме государствообразующего процесса в Евразии Г.В. Вернадского даже не фигурировали, хотя в схеме начальных фаз развития евразийского государства они были на одном уровне с хазарами и аварами. Возможно, здесь хронология вступила в противоречие с исследовательским дискурсом, поскольку небольшой временной разрыв между распадом Гуннской империи и образованием Тюркского каганата не позволял выделить между ними формы, характерные для системы государств, и, таким образом, формы единой государственности должны были следовать одна за другой, что ставило под сомнение периодичность государствообразующего процесса в Евразии. Впрочем, и Г.В. Вернадский и Н.П. Толль пытались дать этому объяснение. Первый писал о том, что близость Северного Причерноморья к крайнему западному углу Евразии, где началось развитие русского государства, ставило этот регион в особое положение, а Н.П. Толль просто указывал, что его история лучше освещена источниками. Но в любом случае такие объ-

яснения ставили под вопрос восприятие истории Евразии как целого. Следует отметить присутствие в работах, посвященных домонгольской Евразии, антизападного вектора. Поэтому статья В.П. Никитина о противостоянии Ирана и Турана написана с симпатией и к первому, и ко второму и указывает на Азию как на ресурс в противостоянии с Западом. В книге Н.П. Толля иногда появляются неожиданные антизападнические пассажи, как, например, оценка Персии под властью кочевников как оплота против попыток Запада проникнуть в Азию.

Традиция, столь ярко обозначенная при рассмотрении преемственности Монгольской империи и Московского государства при включении в нее других форм «евразийской государственности», оказывалась достаточно противоречивой и не наполненной существенным историческим содержанием, что говорит об идеологической мотивированности дискурса евразийских авторов. Книга Н.П. Толля, представлявшая определенную компиляцию работ различных историков, не соответствовала теоретическим выкладкам, представленным у Г.В. Вернадского, и в отличие от

его работ и приложения П.Н. Савицкого «О задачах кочевниковедения» в подавляющей своей части серьезной идеологической нагрузки не несла. В силу этого исследователи исторической концепции евразийства ссылаются на нее гораздо реже, нежели на их труды. Автор после небольших рассуждений о степном месторазвитии добросовестно пересказал набор известных научных данных о скифах и гуннах, пообещав в следующей книге изложить историю проникновения русских в Евразию. Однако значение книги Н.П. Толля этим не исчерпывается. В одном из своих интервью Л.Н. Гумилев заявлял, что первыми «евразийскими» книгами, которые он прочел, были работы Н.П. Толля «Скифы и гунны» и Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие» [27. С. 26] (хотя последнего сложно отнести к евразийцам). Книга Н.П. Толля стала своего рода «мостиком» между Л.Н. Гумилевым и евразийцами. Идеи П.Н. Савицкого о «степилюбовой» традиции в русской науке и развитии отечественного кочевниковедения получили свое практическое воплощение в деятельности Л.Н. Гумилева во второй половине XX в.

Список источников

- Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1927. 235 с.
- Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» (русские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2003. 392 с.
- Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М. : Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
- Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М. : Наталис, 2004. 287 с.
- Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Берлин : Геликон, 1922. С. 317–340.
- Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Берлин : Геликон, 1922. С. 341–356.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М. : Аграф, 1999. С. 223–292.
- Никитин В.П. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Париж : Евразийское книгоизд-во, 1927. Кн. 5. С. 79–120.
- Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) : библиография опубликованных работ / сост. и авт. введения М. Байссвенгер. Прага : Нац. б-ка Чешской Республики, 2008. 111 с.
- Редакционное примечание [к статье: Никитин В.П. Иран. Туран и Россия] // Евразийский временник. Париж : Евразийское книгоизд-во, 1927. Кн. 5. С. 75–78.
- Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1927. Ч. 1. С. 234–260.
- Савицкий П.Н. Проблемы русской истории // Русский узел евразийства : Восток в русской мысли. М. : Беловодье, 1997. С. 389–402.
- Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю. К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 209–220.
- Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб. : Евразия, 2017. 724 с.
- Андреева Е.Н., Сорокина М.Ю. Нет утешения в разлуке... : переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. № 8. С. 203–234.
- Текущее // Евразийская хроника. 1925. Вып. 3. С. 54–66.
- Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства : статьи и письма. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; Викмо-М, 2018. 680 с.
- Байссвенгер М. Н.В. Вернадская-Толль и становление «научного» евразийства (конец 1920-х гг.) // Ежегодник дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 172–176.
- В.Т. [Вернадская-Толль Н.В.]. Понятие Евразии по антропологическому признаку // Евразийская хроника. 1927. Вып. 8. С. 26–31.
- Толль Н.П. Рецензия на: Б. Денике. Искусство востока. Казань, 1923. 250 стр., 11 таблиц // Евразийская хроника. 1927. Вып. VI. С. 41–42.
- Савицкий П.Н. Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М. : Беловодье, 1997. С. 369–388.
- Лубенский Степан [Савицкий П.Н.]. Евразийская библиография, 1921–1931: путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы : утверждение евразийцев. - Париж : Изд-во Евразийцев, 1931. С. 285–317.
- Толль Н.П. Скифы и гунны : из истории кочевого мира. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1928. 77 с.
- Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского) // Савицкий П.Н. Избранное. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 312–340.
- Кизеветтер А.А. Рецензия на: Толль Н.П. Скифы и гунны. Из истории кочевого мира. Опыт истории Евразии. Вып. 1. Прага, 1928. 77 с. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения. Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского. Евразийское книгоиздательство, 1928. 106 с. // Руль. 1928. № 2364. С. 4.
- Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2005. 339 с.
- Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М. : Экспрос, 1993. 576 с.

References

- Vernadskiy, G.V. (1927) *Nachertanie russkoy istorii* [The Outline of Russian History]. Prague: Evraziyskoe knigoizd-vo.
- Antoshchenko, A.V. (2003) *“Evraziya” ili “Svyataya Rus” (rossiyskie emigranty v poiskakh samosoznaniya na putyakh istorii)* [“Eurasia” or “Holy Rus” (Russian émigré in search of self-consciousness on the paths of history)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

3. Vandalkovskaya, M.G. (1997) *Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii: "evraziyskiy soblazn"* [History of Russian emigration: "Eurasian temptation"]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
4. Laruelle, M. (2004) *Ideologiya russkogo evraziystva, ili Mysli o velichii imperii* [Ideology of Russian Eurasianism or Thoughts about the greatness of the Empire]. Moscow: Natalis.
5. Bicilli, P.M. (1922) "Vostok" i "Zapad" v istorii starogo sveta ["East" and "West" in the history of the Old World]. In: *Na putyakh* [On the tracks]. Berlin: Gelikon. pp. 317–340.
6. Savitskiy, P.N. (1922) Step' i osedlost' [Steppe and settlement]. In: *Na putyakh* [On the tracks]. Berlin: Gelikon. pp. 341–356.
7. Trubetskoy, N.S. (1999) *Nasledie Chingishana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: Agraf. pp. 223–292.
8. Nikitin, V.P. (1927) Iran, Turan i Rossiya [Iran, Turan, and Russia]. In: *Evraziyskiy vremennik* [Eurasian Timeline]. Vol. 5. Paris: Evraziyskoe knigoizd-vo. pp. 79–120.
9. Beisswenger, M. (ed.) (2008) *Petr Nikolaevich Savitskiy (1895–1968): bibliografiya opublikovannykh rabot* [Petr Nikolaevich Savitsky (1895–1968): Bibliography of Published Works]. Prague: National Library of the Czech Republic.
10. Anon. (1927) Redaktsionnoe primechanie [k stat'e: Nikitin V.P. Iran. Turan i Rossiya] [Editorial [to the article by V.P. Nikitin "Iran, Turan, and Russia"]. In: *Evraziyskiy vremennik* [Eurasian Timeline]. Vol. 5. Paris: Evraziyskoe knigoizd-vo. pp. 75–78.
11. Savitskiy, P.N. (1927) Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii [Geopolitical notes on Russian History]. In: Vernadskiy, G.V. *Nachertanie russkoy istorii* [The Outline of Russian History]. Prague: Evraziyskoe knigoizd-vo. pp. 234–260.
12. Savitskiy, P.N. (1997) Problemy russkoy istorii [Problems of Russian History]. In: Klyuchnikov, S. (ed.) *Russkiy uzel evraziystva: Vostok v russkoy mysli* [Russian Knot of Eurasianism: The East in Russian Thought]. Moscow: Belovod'e. pp. 389–402.
13. Sorokina, M.Yu. & Stoyukhina, N. Yu. (2013) K biografii istorika Nikolaya Petrovicha Tollya (1894–1985): novye arkhivnye dannye [On the Biography of the Historian Nikolai Petrovich Toll (1894–1985): New Archival Data]. *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 4. pp. 209–220.
14. Dvornichenko, A.Yu. (2017) *Russkiy istorik Georgiy Vernadskiy. Puteshestviya v mire lyudey, idey i sobytiy* [Russian Historian Georgy Vernadsky. Travels in the World of People, Ideas, and Events]. St. Petersburg: Evraziya.
15. Andreeva, E.N. & Sorokina, M.Yu. (2018) Net utesheniya v razluge... : perepiska N.P. i N.V. Tolley i N.E. Andreeva (1948–1980) [There is No Consolation in Separation...: Correspondence of N. P. and N. V. Toll and N. E. Andreeva (1948–1980)]. *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 8. pp. 203–234.
16. Anon. (1925) Tekushchee [Current]. *Evraziyskaya khronika*. 3. pp. 54–66.
17. Savitskiy, P.N. (2018) *Nauchnye zadachi evraziystva : stat'i i pis'ma* [Scientific tasks of Eurasianism: articles and letters]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna; Vikmo-M.
18. Beisswenger, M. (2013) N.V. Vernadskaya-Toll' i stanovlenie "nauchnogo" evraziystva (konets 1920-kh gg.) [N. V. Vernadskaya-Toll and the formation of "scientific" Eurasianism (late 1920s)]. *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 4. pp. 172–176.
19. V.T. [Vernadskaya-Toll, N.V.] (1927) Ponyatie Evrazii po antropologicheskomu priznaku [The concept of Eurasia on an anthropological basis]. *Evraziyskaya khronika*. 8. pp. 26–31.
20. Toll, N.P. (1927) Retsenziya na: B. Denike. *Iskusstvo vostoka*. Kazan', 1923. [Review of: B. Denike. Art of the East. Kazan, 1923]. *Evraziyskaya khronika*. VI. pp. 41–42.
21. Savitskiy, P.N. (1997) Idei i puti evraziyskoy literatury [Ideas and ways of Eurasian literature]. In: Klyuchnikov, S. (ed.) *Russkiy uzel evraziystva: Vostok v russkoy mysli* [Russian Knot of Eurasianism: The East in Russian Thought]. Moscow: Belovod'e. pp. 369–388.
22. Lubenskiy Stepan [Savitskiy, P.N.] (1931) *Evraziyskaya bibliografiya, 1921–1931: putevoditel' po evraziyskoy literature* [The Eurasian Bibliography, 1921–1931: A guide to Eurasian literature]. In: *Tritsatsye gody: utverzhdenie evraziystsev* [The Thirties: The Statement of the Eurasians]. Paris: Eurasian Publishing House. pp. 285–317.
23. Toll, N.P. (1928) *Skify i gunny: iz istorii kochevogo mira* [Scythians and Huns: From the History of the Nomadic World]. Prague: Eurasian Publishing House.
24. Savitskiy, P.N. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 312–340.
25. Kizevetter, A.A. (1928) Retsenziya na: Toll' N.P. *Skify i gunny. Iz istorii kochevogo mira. Opyt istorii Evrazii*. Vyp. 1. Praga, 1928. 77 s. Savitskiy P.N. O zadachakh kochevnikovovedeniya. Pochemu skify i gunny dolzhny byt' interesny dlya russkogo. *Evraziyskoe knigoizdatel'stvo*, 1928. 106 s. [Review of: Toll N.P. Scythians and Huns. From the history of the nomadic world. Experience of the history of Eurasia. Issue 1. Prague, 1928. 77 p. Savitsky P.N. On the tasks of nomadic studies. Why the Scythians and Huns should be interesting for a Russian. Eurasian book publishing house, 1928. 106 p.]. *Rul'*. 2364. p. 4.
26. Vernadskiy, G.V. (2005) *Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoy kul'tury* [Towards the history of Eurasia. Links of Russian culture]. Moscow: T-vo nauch. izdaniy KMK.
27. Gumilev, L.N. (1993) *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow: Ekopros.

Сведения об авторе:

Быстрыков Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия). E-mail: bystryukov@pgsga.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bystryukov Vladimir Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, the law and teaching methods of Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation). E-mail: bystryukov@pgsga.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 21.07.2022; accepted for publication 01.08.2025